Александр Ф. Филиппов

В ожидании чуда: социология репликантов как политическая теология («Бегущий по лезвию 2049»)

DOI: https://doi.org/10.22394/2073-7203-2019-37-3-69-101

Alexander F. Filippov

Waiting for a Miracle: The Sociology of Replicants as Political Theology *(Blade Runner 2049)*

Alexander F. Filippov — National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia). afilippov@hse.ru

The author presents a philosophical analysis of the film "Blade Runner 2049" (2017, directed by Denis Villeneuve) — the sequel to the famous film "Blade Runner" (1982, directed by Ridley Scott). Both films are read as a political-theological statement. They feature creatures that are biologically almost indistinguishable from humans, the "replicants". They are used to colonize distant planets and are forbidden to live on Earth. In the first film of 1982, the design of the replicants presupposed an early death, and they rebelled against humans because they wanted to live longer. In the second film, their design presupposes submission, but they rebel again against such slavery. The script can be understood as a history of man's relationship with the Creator. The film's intrigue further addresses the notion of miracle in connection with the notion of revolution. The replicant's ability to have children, and thus to refute the boundary between them and the humans, is presented as a miracle. However, only those who possess authority and power to set the norms and laws can proclaim a miracle as such. In the film, this right is assigned to the replicants: their uprising means the transfer of the transcendent into a plan of immanence. Their belief in a miracle lies precisely in the fact that the Creator, and the belief in the Creator, is not necessary.

Keywords: fiction, religion, political theology, androids, replicants, cinema, miracle, revolution, anthropology.

Статья написана в рамках гранта: «Между политической теологией и экспрессивным символизмом: дискурсивные формации позднего модерна как вызов социальному порядку».

Мне — чтить тебя? За что?
Рассеял ты когда-нибудь печаль
Скорбящего?
Отер ли ты когда-нибудь слезу
В глазах страдальца?
А из меня не вечная ль судьба,
Не всемогущее ли время
С годами выковали мужа?

И.В. Гёте. *Прометей*[1]

«Политическая теология» — термин, вошедший в последние десятилетия в широкий оборот, но все еще недостаточно конвенциональный. Его приходится пояснять. У политической теологии долгая история, в которой значительное место занимает большой проект Карла Шмитта, начатый в 1922 г. одноименной книгой, и полемика вокруг него, растянувшаяся на полвека[2]. Однако иных, современных, версий политической теологии довольно много, и назвать какую-либо из них самой влиятельной невозможно. Вот почему я заранее хотел бы оговорить, что опираюсь на первоначальный проект Шмитта и его оригинальное понимание социологической тематики. Шмитт не дал точного определения политической теологии, зато оставил много примеров ее применения. Понять его намерения помогает важное, недооцененное обстоятельство: основную часть «Политической теологии» Шмитт опубликовал в сборнике памяти Макса Вебера, подчеркивая *социологический смысл* своего сочинения. Но Шмитт не развивал идеи Вебера или других социологов, он предложил оригинальную версию социологии знания, скромно названную «социологией юридического понятия». Она была полемически направлена *против* социологии религии Вебера и призвана открыть перспективы альтернативной концептуализации на том самом поле, которое в те годы отвоевывала себе социология. К сожалению, общесоциологическое значение политической теологии Шмитта остается непонятым, и только важ-

1. Перевод В. Левика.
2. См. о предыстории и последующих спорах: *Филиппов А.Ф.* К истории понятия политического: прошлое одного проекта // *Шмитт К.* Понятие политического. СПб.: «Наука», 2016. С. 489–504.

ная книга Герхарда Вагнера[3], не имевшая достойного продолжения, отчасти восполняет этот недостаток. Говоря самым сжатым образом, в этой перспективе у социологии и политической теологии одна и та же проблемная область, одна и та же задача: исследовать социальный (политический в широком смысле) порядок. Социология видит это как задачу позитивной науки. Политическая теология видит в самой позитивной науке секуляризацию теологии. Есть знаменитая формула Шмитта: «Все точные понятия современного учения о государстве представляют собой секуляризированные теологические понятия»[4]. «Учение о государстве» на языке тогдашней немецкой науки значило юридическое описание главных параметров социального. Иначе говоря, самый адекватный род описаний социального порядка многие ученые усматривали в политико-юридическом представлении человеческих отношений, а подлинный смысл юридических описаний Шмитт предлагал искать в богословии. Это — ключ к исследовательским ресурсам политической теологии. Изучать отдельные области или даже отдельные феномены культуры в духе Шмитта — значит обнаруживать теологическую проблематику в политической, понимая политическое самым фундаментальным образом: как самую суть социальной жизни. В данной статье я пытаюсь показать, чего можно добиться таким образом при анализе одной недавно вышедшей на экраны кинокартины. Этот смысловой мир невозможно понять вне богословской проблематики в ее социологическом и политическом измерениях. Здесь движение художественной культуры и движение мысли взаимно обогащают друг друга.

Фильм «Blade Runner 2049» (2017, режиссер Дени Вильнёв) — сиквел знаменитой картины «Blade Runner» (1982, режиссер Ридли Скотт). Выходу картины предшествовали три короткометражки, снятые по просьбе Дени Вильнёва[5]. Они должны были показать важные события между 2019 г., когда происходит действие первого, и 2049 г., куда помещено действие второго филь-

3. Wagner, G. (1993) *Gesellschaftstheorie als politische Theologie?*: *Zur Kritik und Überwindung der Theorien normativer Integration*. Berlin: Duncker & Humblot.

4. *Шмитт К.* Политическая теология // *Шмитт К.* Понятие политического. СПб.: «Наука», 2016. С. 34.

5. «Blade Runner Black Out 2022» — аниме, а также игровые «2036: Nexus Dawn» и «2048: Бежать некуда»; оба последних фильма сняты сыном Ридли Скотта Люком, в них заняты артисты, которые появляются в основном фильме.

ма. Оба фильма[6], вместе с некоторыми другими фильмами Ридли Скотта, могут быть интерпретированы как части большого и пока не завершенного богословско-политического трактата, только написанного языком киноискусства. Сводить содержание этих фильмов к политико-философской и богословской проблематике — значит сильно их исказить. Не заметить ее, не увидеть собственной логики старых проблем и понятий в художественном произведении — значит во многом промахнуться в попытках понять его целиком. Чтобы следить за ходом дальнейших рассуждений, требуется постоянно держать в уме некоторые ключевые моменты обоих сюжетов, а также имена основных персонажей. Я начну поэтому с самого краткого их представления.

I

В фильмах действуют существа, биологически почти неотличимые от человека — *репликанты*. Они используются за пределами Земли для колонизации отдаленных планет. Колонизация нужна в силу экологической исчерпанности Земли. Репликантам запрещено жить на Земле. Первый фильм начинается с того, что их небольшая группа, взбунтовавшись, прорывается на Землю. Они стремятся попасть в штаб-квартиру корпорации-изготовителя, к своему создателю, Тайреллу, имя которого носит фирма. Причина проста: срок жизни репликантов ограничен четырьмя годами, они знают, что скоро умрут, и хотят продлить жизнь. Для охоты на репликантов есть специальные агенты полиции, «blade runners» — «бегущие по лезвию». Чтобы опознать репликанта, используется тест на эмпатию, на эмоциональную чувствительность. Главный герой фильма Рик Деккард умеет выслеживать репликантов и уничтожать их. В процессе поисков он отправляется в штаб-квартиру Тайрелла и знакомится с девушкой по имени Рейчел, которую, по просьбе Тайрелла, тестирует. Она тоже репликант, но не знает об этом. У репликантов есть имплантированные воспоминания, и Рейчел уверена в подлинности своей биографии. Деккард и Рейчел влюбляются друг в друга. Охота на репликантов идет успешно, Деккард выслеживает двоих и убивает. Последние два, Рой Батти и его подруга Прис, находят способ проникнуть в штаб-квартиру Тайрелла, однако это ничего не дает. Остановить смерть нельзя, ее сроки заложены в биоло-

6. Они будут дальше сокращенно именоваться, соответственно, BR-1 и BR-2.

гическую конструкцию. Самый совершенный из восставших, Рой Батти, слышит от своего создателя слова утешения: за ним много славных дел, он прожил прекрасную жизнь! В ответ репликант убивает его и пытается, в последние минуты жизни, убить также и Деккарда, который, убегая от него, срывается с крыши высокого здания. Недавний преследователь спасает его. Умирая, он говорит о рабстве, о страхе, о своих переживаниях, бесследно исчезающих из мира вместе с ним. Деккард с Рейчел бегут за пределы этого мира.

Здесь уместно напомнить про множество версий BR-1 (их насчитывают до семи), о длящейся несколько десятилетий истории его толкований[7], включая не всегда согласующиеся между собой интерпретации самих создателей; наконец, о том, что поиск и обнаружение все новых его смыслов образовали дискурсивное поле, живущее своей жизнью. Этот до сих пор мерцающий мир BR-1 вместе с его интерпретациями образуют важнейший запас знания, которое имеет отчетливые теологические мотивы и отсылает к самому началу эпохи европейской секуляризации. Вопросы о смысле быстротечной жизни, поставленные создателю, убийство Бога-творца, наконец, обман, который самим Богом может быть заложен в ясное картезианское самосознание (не только имя главного героя созвучно имени Декарта, но и прямые отсылки к *«cogito ergo sum»* звучат в фильме), — все это находится в одном смысловом поле. Важнейшие темы европейской культуры завязаны здесь тугим узлом. Что будет, если Иов, наделенный декартовским самосознанием, обратится не в Фауста, но в Прометея, восстанет против Творца, убьет его и сам погибнет? Этот вопрос дает начало многим дальнейшим художественным исследованиям Ридли Скотта.

В BR-2 действие происходит через тридцать лет. Все еще жив Деккард, скрывающийся в развалинах Лас-Вегаса. По-прежнему есть такая профессия, как blade runner, потому что по-прежнему есть опасные репликанты. Главный герой обозначен поначалу буквой К («Кей») с добавлением серийного номера. Он репликант и знает об этом. Фильм начинается с того, что Кей посещает Саппера Мортона, фермера, в прошлом принадлежавшего к восставшим репликантам. В одном из приквелов к BR-2 уточняется, что

7. См. хотя бы доступные в сети электронные версии книг: Brooker, W. (ed.) (2005) *The Blade Runner Experience: The Legacy of a Science Fiction Classic*. London & New York: Wallflower Press; Sammon, P.M. (2017) *Future Noir Revised & Updated Edition: The Making of Blade Runner*. New York: The Dey Street Books.

это были репликанты восьмой серии, у которых, в отличие от шестой, действовавшей в BR-1, срок жизни не был искусственно укорочен. Репликантов этой серии идентифицируют лишь по маркировке на глазном яблоке. Удостоверившись в ее наличии, Кей убивает Мортона. У дерева подле дома зарыт ящик с костями, оссуарий (этот технический термин мы чаще всего встречаем применительно к культовым захоронениям). Это кости женщины, которой было сделано кесарево сечение, с маркировкой, указывающей на искусственное происхождение. Сама возможность того, что репликант способен зачать и выносить ребенка, кажется скандальной.

Кей получает задание расследовать дело. Он живет в скудно обставленной квартире, где компанию ему составляет виртуальная подруга Джой. У нее есть голос и голографическое изображение, искусственный интеллект, характер, эмоции. Это не машина, а сложно организованная программа, напоминающая сегодняшних виртуальных помощников. В фильме ей приписано самосознание, страсть, жертвенность. Выполнив задание, Кей получает премию и приобретает «эманатор» — прибор, позволяющий перемещать подругу в пространстве.

Для поиска в генетических архивах Кей направляется по знакомому адресу, только в здании корпорации Тайрелла теперь другой хозяин. Его зовут Неандер[8] Уоллес, он слепой гениальный конструктор, придумавший совсем других репликантов. Джой — тоже изделие его корпорации. Событиям BR-2 предшествовали тяжелые времена: репликанты восстали, устроили блэкаут, и все старые регистрационные данные погибли. Именно поэтому поиск и уничтожение остатков восставших такое трудное дело. В архивах корпорации Кей узнает совсем немного. Найденные останки репликанта — это кости Рейчел. Позже в доме Мортона он находит другие зацепки: детский носок и фотографию того самого дерева, возле которого стоит женщина с ребенком. Значит, ребенок был рожден. Ребенок, его судьба оказываются в центре повествования. Полицейская начальница (в русском переводе названная «Мадам») приказывает blade runner'у уничтожить потомка Рейчел. Она видит угрозу в самой возможности естественного размножения репликантов.

8. Это имя со смыслом. Буквально оно означает «новый человек», но, как сообщают словари, в школах часто превращается в обидную кличку «неандерталец».

На коре дерева, у корней, Кей обнаруживает выцарапанную дату. Та же дата, он помнит, была выцарапана на деревянной лошадке — детской игрушке, память о которой, как он считает, ему имплантирована. Он знает, что не был рожден, что у него, в отличие от рожденных, *нет души*. Но воспоминания не безразличны для него. Именно рассказом о том, как у него хотели отобрать эту игрушку дети в приюте для сирот, Кей делится с Мадам по ее просьбе. Он помнит, как и где спрятал игрушку, и помнит дату. Кей много раз рассказывал это и Джой. В поисках ребенка Рейчел Кей пытается найти в базах данных сведения о генетическом коде всех рожденных в этот день. В результате исследований Кей получает странный результат. Получается, что Рейчел родила близнецов, мальчика и девочку, причем девочка умерла, а мальчик был отдан в приют. Странность здесь в том, что генетический код обоих детей одинаков, а этого быть не может. Кей подозревает, что он — тот самый мальчик. Ему кажется теперь, что он всегда знал о своем естественном происхождении. Джой поощряет эти подозрения, она дает ему имя — настоящее человеческое имя Джо, и позже он сам себя так называет.

Кей добирается до сиротского приюта и находит деревянную лошадку. Остается выяснить, его ли это память. Он обращается к специалисту по изготовлению имплантируемой памяти, доктору Ане Стеллайн. Она больна генетической болезнью и живет в одиночестве под изолирующим куполом. Ана изучает память визитера и подтверждает ее подлинность. Ана и Кей глубоко потрясены. Кей арестован после визита. У него начинаются неприятности. После каждой операции он обязан проходить тест, показывающий, что с ним все в порядке на уровне базовых реакций. Основой теста служат строки поэмы из книги Набокова «Бледное пламя». После встречи с Мортоном Кей прошел тест хорошо, после визита к Ане Стеллайн — плохо. Он лжет Мадам о якобы успешном убийстве найденного им потомка Рейчел. Его временно отстраняют от дел, дав немного времени, чтобы привести себя в порядок. Но, кроме полиции, за ним следят и другие. Уоллес, который не может добиться самовоспроизводства репликантов, поручает своей помощнице, репликанту Лав, разобраться с этим делом, а позже оказывается, что и борющиеся против существующего порядка репликанты выслеживают Деккарда.

Лав крадет останки Рейчел, убивает полицейского лаборанта, прослеживает полет Джо в приют. Позже она проникает в полицию, требует у Мадам выдать направление перемещений Джо и, не получив ответа, убивает ее. Репликанты подсылают к Джо про-

ститутку, чтобы узнать о ходе расследования, но это не дает результата; позже ее нанимает Джой для близости с любимым, уходя, та оставляет на его одежде «жучка».

По характеристикам древесины, из которой вырезана лошадка, Кей узнает местность, где она могла быть сделана, и в конце концов находит Деккарда. Тот отказывается от беседы и пытается убить визитера. Лав выслеживает Джо, атакует и забирает Деккарда в штаб-квартиру Уоллеса, жестоко избив blade runner'а и уничтожив эманатор вместе с Джой. Джо спасен репликантами, участниками сопротивления. Это они выследили его по «жучку». Ему открывают тайну. Рейчел родила лишь одного ребенка, девочку. Данные сфальсифицировал Деккард, чтобы скрыть следы. Джо может присоединиться к движению, он сам репликант. Девочка, рожденная репликантом, — это чудо. Благодаря чуду репликанты знают, что не отличаются от людей, они восстанут и завоюют равные права. Чтобы дочь Деккарда не нашли раньше времени, он жил отдельно, а теперь, ради ее безопасности, Джо должен убить Деккарда. Уоллес пытается соблазнить Деккарда, создав выглядящую и говорящую, как Рейчел, женщину-репликанта. Деккард не покупается на предложение, его отправляют в сопровождении Лав в другое место. По дороге летательный аппарат сбивают над океаном повстанцы, Деккард едва не гибнет, но его спасает Джо. Хотя и тяжело раненный Лав, Кей убивает ее и отвозит Деккарда на встречу с дочерью.

II

Попробуем теперь разобраться в том, что это значит. По сравнению с BR-1, BR-2 затянут и перегружен, в него вложили слишком много, и это имеет как достоинства, так и недостатки. Вселенная BR пока не достроена, а это затрудняет понимание отдельных эпизодов рассказа как вполне отчетливого, имеющего политико-теологический характер высказывания. Но здесь нет иного пути, кроме как через кропотливую реконструкцию логической структуры показанных в нем событий. Фантазия авторов не вполне произвольна. Подобно тому, как в реальной жизни надпись на надгробии может обманывать насчет достоинств покойного, но не могла появиться сама собой, а сделана кем-то[9], так в филь-

9. См. об этом подробнее: *Данто А.* Аналитическая философия истории / Пер. с англ. А.Л. Никифорова и О.В. Гавришиной / Под ред. Л.Б. Макеевой. М.: Идея-Пресс, 2002. Гл. 6. С. 90 и далее.

ме Кей говорит о своей ране «я починю», а душ принимает после того, как вода почти полностью обеззаражена, — и это два взаимодополняющих и важных свидетельства об устройстве его тела[10]. Старательно продумывая мир BR, его творцы сообщают нам, что и связи идей, будь то высказанных прямо или реконструируемых по важным следам, не случайны. Мало того, материальное и идейное не просто связаны между собой, а суть разные стороны одного и того же универсума.

Оба BR — фильмы об особенных *роботах* и об их отношениях с человечеством. Слово «робот» здесь режет слух, это не случайно. Репликанты, о которых идет речь, не просто человекоподобные машины (андроиды), которых сегодня предостаточно и в книгах, и в фильмах, и — с известными ограничениями — даже в самой повседневной жизни. Роботы-андроиды фигурируют в других фильмах Скотта, но только в BR есть репликанты[11]. Филип Дик в книге «Мечтают ли андроиды об электрических овцах?», легшей в основу BR-1, писал о «гуманоидных андроидах» как об «органических роботах». «Органическое», не в смысле «органической химии», но в точном смысле живое — это до сих пор самый отчетливо фантастический элемент повествования, наиболее уязвимый для научной критики. Биологическое конструирование — дело будущего, а конструирование не просто живых тканей, но организмов с полным метаболизмом — дело совсем уже неопределенного будущего. В остальном сходство роботов с человеком становится уже сейчас все большим. Их функциональность

10. «I will fix it» скажут скорее о неживом, чем о живом; обеззараженная вода нужна человеку, а не роботу.

11. А.В. Павлов в замечательной статье «Враги по разуму: робот как революционный субъект», многие положения которой я разделяю, в этом пункте держится иной точки зрения, поскольку считает, что репликанты — одна из стадий эволюции андроидов во вселенной Ридли Скотта, что позволяет выстроить продуктивную концепцию эволюции «злого робота». Это, конечно, совершенно иная перспектива. В пользу его позиции говорят примеры «хорошо замаскированного» андроида, в котором не сразу (если вообще) опознают робота. Возразить я мог бы, только указав на то, что не опознанный или не сразу опознанный робот — это довольно старая идея, восходящая, возможно, к размышлению Декарта о заводных куклах в шляпах и воплощенная гением Э.Т.А. Гофмана в «Песочном человеке». У нее своя жизнь в культурной традиции, к которой Скотт не просто чувствителен, а постоянно отсылает. Мощное продвижение Ридли Скотта, не сразу оцененное им самим, состоит в том, чтобы исследовать андроидов отдельно от репликантов. Это возражение не ставит под сомнение, конечно, весь остальной аппарат аргументации, особенно по отношению к фильмам «Прометей» и «Чужой: Завет». См.: *Павлов А.В.* Враги по разуму: робот как революционный субъект // Социология власти. 2017. Т. 29. № 2. С. 119 и далее.

нарастает и разнообразится, но мы помним, что при этом роботы остаются роботами, даже будучи в некоторых ситуациях похожи на людей. Андроид, *практически* (в рутинной коммуникации, при определенных обстоятельствах) неотличимый от человека, постепенно становится продолжением уже вполне явственной сегодня тенденции.

Чтобы не совершать экскурсы в вопросы технологий, ограничимся художественными мирами. Изображение андроида в кино предполагает некоторую акцентированную искусственность (это не всегда так, конечно, но чаще всего): нарочитую монотонность или слабую выразительность голоса, малую подвижность мимики, словно бы разбитые на мельчайшие отрезки, дигитализированные движения. Есть особые случаи, когда андроид придуман и изображен как совершенно неотличимый от человека — внешне. Тогда нам могут показать его нутро: искусственные суставы, скрытые под словно бы человеческой кожей, камеры на месте глаз, да мало ли что еще. Андроиды в «Westworld»[12] подчеркнуто человечны, но человеческая плоть остается у них в области феноменального, под ней — смесь органики с «железом». Репликанты задуманы как нечто иное; когда их именуют «skinjob»[13], это делается намеренно оскорбительным образом — все равно что назвать черного «ниггером», подчеркивая лишь одно очевидно внешнее как главный признак не равного белому человеку создания. Эта аналогия очень важна, и в дальнейшем мы к ней вернемся.

По самому своему названию, репликанты — копии, *реплики* человека[14], как копии статуй и картин — реплики оригинальных произведений. Не будь оригинала, копия была бы той же самой, какой она является сейчас, но не была бы копией. Именно здесь мы подходим к опасной черте: дать определение репликанта нельзя без отсылки к понятию человека. Репликант создан

12. Телевизионный сериал Джонатана Нолана и Лизы Джой, основанный на вышедшем в 1973 г. одноименном фильме Майкла Крайтона. В нашем прокате известен как «Мир Дикого Запада». В настоящее время вышло два сезона (2016 и 2018 гг.).

13. В русском переводе — «кожаная кукла». Перевод спорный, как и само толкование термина, но не ошибочный. В современном сленге “job” может примерно означать «штуку». “Skinjob” и “skinner” в таком случае — те, чье существо сводится к коже, кожаные мешки или куклы. Это нарочитое оскорбление, они внутри такие же, как люди, и это известно. Но в применении к blade runner’у это становится двусмысленным, здесь намек на работу кожевника.

14. Считается, впрочем, что источник термина в названии клеточного процесса, в ходе которого происходит репликация ДНК. Это не меняет сути дела, конечно, хотя обессмысливает вопрос о копии и оригинале.

по образу и подобию человека, могли бы мы сказать, используя ресурсы богословия. Глядя на репликанта, мы что-то узнаем о человеке, но только если не путаем одного с другим. Если же само различение становится проблемой, мы оказываемся в водовороте старых проблем. Человек штурмует небеса и присваивает себе атрибуты божества. Чем это обернется для человека? А если человек создаст искусственного человека, который захочет присвоить себе атрибуты естественного? Со времен «Франкенштейна» мы в курсе угроз, но только эти угрозы идут от монстра, находящегося на границе живого и мертвого[15]. Здесь же совсем иного рода эксперимент. Предположим, словно бы говорят создатели кинематографических репликантов, что у нас будет искусственный человек, с несколькими дополнительными способностями, чуть улучшенный, чем теперь, но — человек. И что тогда? А в чем ценность и вообще: в чем отличие оригинала? Для правильного, культурного ответа в дело должна была бы включиться развернутая философская антропология, но я ограничусь лишь одной, правда многозначительной, ссылкой.

Почти сто лет назад, пытаясь ответить на вопрос о том, что такое человек, немецкий философ Макс Шелер рассмотрел — разумеется, в пределах тогдашнего состояния научного знания — разные подходы к определению специфики человека[16]. Среди аргументов, которые он подверг критике, был и такой: человек обладает уникальной способностью к овладению миром, которой нет у других живых существ. Шелер отвечал на это, что между Эдисоном (взятым только как техник) и умным шимпанзе различие состоит лишь в степени (умений). Это, скорее всего, совершенно неправильно, и позже Гастон Башляр возразил Шелеру, что утверждать подобное может лишь тот, кто не понимает устройства современной науки и основанной на ней техники[17]. Однако само представление о том, что существует непрерывная

15. Напомним, что чудовище Франкенштейна сшито из частей человеческих, но мертвых тел.

16. См.: *Шелер М.* Положение человека в Космосе // Проблема человека в западной философии: Переводы / Сост. и послесл. П.С. Гуревича; общ. ред. Ю.Н. Попова. М.: Прогресс, 1988. С. 31–95.

17. См.: *Башляр Г.* Новый рационализм. Пер. с фр. / Предисл. и общ. ред. А.Ф. Зотова. М.: Прогресс, 1987. С. 330 и далее. Важное для нас возражение Башляра Шелеру таково: «Эдисоновское изобретение мыслимо лишь при условии преодоления человеком прерывности опыта. Совершенно непредставимо, чтобы некий ум — животного ли, первобытного человека или даже философа — мог осуществить эдисоновский эксперимент» (С. 332). Мы еще увидим, что это значит.

шкала умений, на которой традиционно располагались человек и животные, но могут быть размещены и другие — например, роботы, — в явном или неявном виде зашито в популярные концепции андроидов. Понятно, что, если на шкале умений робот приблизится к человеку, то рано или поздно он в некоторых отношениях и превзойдет его, пусть сначала в отдельных умениях, но затем и во все большем их количестве. Любимая забава критиков — найти такие способности, которые не могут быть развиты у робота, отчего в итоге он уступает человеку.

Но с каждым годом придумывать такие точки уязвимости становится все труднее. Не случайно в одном из последних (и очень важном для понимания смысла BR-2) фильме Ридли Скотта «Чужой: Завет» с самого начала бросается в глаза контраст между способностями андроида Дэвида к ведению философской беседы, к точной манипуляции как с музыкальным инструментом, так и с чайником чая, безупречно налитым в чашку, с одной стороны, и, с другой стороны, его неестественной для человека осанкой и мелкой дискретностью (не плавностью) движений. Он задает высшие, последние вопросы, он точен в манипуляциях, но гладкого человеческого движения, раскованности, того, что мы бы назвали естественностью, у него нет. Это не может быть недоработкой техников, это именно замысел его реальных, кинематографических творцов. И ничего подобного нет у репликантов. Повествование о репликантах в начале BR включает в себя примечательную фразу: «Фактически (virtually) они те же люди». Отсюда легко перейти к спекуляциям насчет биологии репликантов, уличая авторов в противоречиях, например, указав на то, что биологическое совершенство предполагало бы другой энергообмен со средой и вряд ли могло завершаться смертью, похожей скорее на то, как кончается завод в пружине или батарейка, а не запрограммированный апоптоз организма. Но это бессмысленно, если принять правила игры философской притчи, в которой научная составляющая присутствует настолько, насколько это требуется замыслом.

Во вселенной, где сосуществовали бы люди, андроиды и репликанты, репликант находился бы на лестнице существ выше андроида и даже выше человека. Разница между роботом-андроидом и репликантом в *функциональном* смысле должна быть такого же рода, как между андроидом и человеком (взятым, снова добавим, только со стороны его умений). Репликанты придуманы как более совершенные люди, но они более совершенные в том

же самом смысле, в каком поздние модели известных нам андроидов (мы их можем видеть и взаимодействовать с ними уже сейчас) совершеннее ранних, в каком сила и умения, будучи измерены, оказываются выше у одних и ниже у других. В BR-1 есть впечатляющие эпизоды демонстрации таких качеств репликантов, которые, в сущности, суть человеческие, но только в усиленном виде: их тела легко переносят ледяной холод и кипяток, они могут выиграть в шахматы у гениального игрока-человека, они более ловкие и быстрые и воспроизводят человеческое поведение настолько адекватно, что для их разоблачения требуется специальный тест. Все или почти все это не производило бы на нас такого впечатления, если бы речь шла о человекоподобных машинах или о киборгах (помеси машины и человека).

Не слишком удивляет нас в финальных эпизодах фильма Ридли Скотта «Прометей»[18] оторванная голова робота Дэвида; правда, она еще ведет разумный диалог, и это означает, между прочим, что не только питание мозга не сразу фатально нарушается с отделением головы от туловища, но и аппарат звукоизвлечения не привязан ни к легким, ни к трахеям. Дэвид внешне антропоморфен и весьма умен и умел, но остается роботом. Впоследствии его голова будет снова приставлена и приживлена к телу, а в фильме «Чужой: Завет» он покажет свое полное превосходство над людьми, сумев победить и обмануть их всех. Но андроиды приближаются к людям, так сказать, снизу; именно память о прошлом несовершенстве вида дает о себе знать даже в самых продвинутых моделях, и создатель Дэвида грешит против истины, называя его совершенным — точно теми же словами, какими называет репликантов шестой серии генетический дизайнер Себастиан в BR-1. По идее, репликанты должны были бы оказаться по одну из сторон: либо все еще не дотягивать до человека, несмотря на все превосходства, либо превосходить его во всем.

Обсуждение биологически сверхчеловеческого — старая тема фантастики; представление о людях будущего как тех же самых людях, но со сверхспособностями в смысле силы, ловкости, сообразительности — в каком-то смысле общее место. Тема сверхчеловеческого очень сильна в первом BR, и репликанты лишь крат-

18. «Прометей», по меткому замечанию одного критика, «связывает универсум “Чужого” с мифологией BR» См.: D’Alessandro, A. (2017) “Blade Runner 2049’ Prequel Short Connects Events To Original 1982 Film — Watch”, *Deadline*. 30 August [https://deadline.com/2017/08/blade-runner-2049-prequel-short-2036-nexus-dawn-jared-leto-video-1202158769/, accessed on 01.06.2019].

костью жизни, несопоставимой с человеческой, уступают людям. В фильме «Чужой: Завет» мы узнаем, что андроиды были созданы для служения людям, но в отличие от людей бессмертны — явная отсылка ко вселенной и одному из главных вопросов BR-1. В религиозном измерении это звучит так: смертный создатель создает бессмертного раба. Это — парадоксальное отношение и выворачивание наизнанку более простого и более традиционно звучащего вопроса BR-1. Напомню: сознавая себя высшими, рабы слабого по своим собственным меркам человека требуют от создателя если и не вечной, то хотя бы долгой жизни. Их восстание и составляет интригу BR-1. С выходом BR-2 эта интрига становится яснее, но ее развитие остается во многом загадочным. Возможно, один из ключей к ее разгадке — то простое, очевидное, но не проговариваемое с полной ясностью обстоятельство, что во вселенной BR нет андроидов. Репликанты есть, а андроидов, которые, скажем, могли бы появиться после известных нам уже сегодня роботов, нет[19]. Если придумать самое первое поверхностное объяснение этому, то получится следующее. Сначала человечество пошло по пути создания андроидов. Потом переключилось на репликантов, а потом полностью отказалось от этого и перешло снова к созданию андроидов, биоорганических роботов, но именно роботов. Поэтому события фильмов с роботами происходят в более отдаленном будущем. Отказ от репликантов может иметь веские причины, если вообще продолжение человеческой истории — это результат отказа, а не другого рода эволюции. Наши предварительные размышления необходимо соотнести с этим обстоятельством. Один и тот же богословский вопрос об отношениях Творца и твари поворачивается разными сторонами.

Если репликанты — это вариант усовершенствованного андроида или занимают то место, которое мог бы занять усовершенствованный андроид, то они должны были бы уметь то же самое, что уже умеют или в предвидимом будущем станут уметь андроиды (которые, в свою очередь, суть частично усовершенствованные люди), не дотягивающие до человека в целом и только поэтому чаще уступающие ему, чем побеждающие его. Репликанты более совершенны, чем андроиды, их можно спутать с людьми, но у них тоже есть уязвимости, природа которых должна быть прояснена. В BR-1 людям удалось подавить и уничтожить основную массу

19. Точными формулами я обязан здесь близкому человеку, *Melon Phoenix*.

восставших репликантов, все действие завязано вокруг последних уцелевших представителей их самой совершенной на тот момент модели (или двух последних моделей, см. ниже). В BR-2 действуют модели репликантов разных поколений, и в конце концов им, возможно, удастся взять верх над людьми, они оказываются совершеннее. Но что значит быть совершенным?

Поскольку репликанты суть «реплики» человека, их совершенство измеряется не по шкале андроидов, а по шкале собственно человеческого, но собственно человеческое не заключено в одних только умениях. То, что нам показано в BR-1, еще несет на себе некоторые следы старого понимания репликанта как андроида, вот откуда их сверхъестественная (по отношению к человеческому естеству) сила и выносливость. Но это лишь запутывает дело. Тогда сформулируем иначе. Умелый шимпанзе, андроид, не дотягивающий до человека в целом, несмотря на превосходство в умениях, человек умелый, наконец, еще более совершенный андроид, вроде Дэвида из «Чужой: Прометей», превосходящий по своим умениям человека, находятся на одной шкале, на одной лестнице существ. Но человек и репликанты, причем репликанты всех известных нам серий (не считая игровых серий IV и V, о которых мы судить не беремся), располагаются на другой лестнице. Шестая серия в BR-1, потом восьмая — восставшие, наконец, девятая — покорные. У каждой свои особенности, но это особенности не столько робота, сколько человека. Исследуем этот вопрос. Здесь необходимо учитывать каждую мелочь.

III

Первые же титры BR-2 содержат важное определение. Репликанты — это «bioengineered humans» — люди, созданные посредством биоинженерии. Впоследствии это окажется центральным моментом фильма: люди производят людей и репликантов, но людей люди рожают, а для репликантов применяют биоинженерию. Судя по всему, у репликантов не бывает детства, разве что приквел-аниме покажет нам неопределенного возраста «девочку для развлечений», прорисованную по всем канонам: чуть ли не детские черты лица и фигура подростка, но, притом, качества бойца и убийцы. Репликанты восьмой серии наделены обычной для людей продолжительностью жизни, но что это значит? От какого срока ведется отсчет? Как выглядит старение? Следует ли предполагать, что Nexus-8 создается сразу в возрасте условного расцвета, с из-

бытком сил и вживленными воспоминаниями, а потом доживает жизнь, стареет и умирает? Что дело будет выглядеть так, можно заключить, увидев оставшихся в живых репликантов восьмой серии, но зачем это придумано? Зачем им старость, если нет детства?

Детство избыточно для раба, которого можно получить сразу готовым для тяжелой работы. Старость не менее избыточна для раба, но без старости нет нормального течения жизни. Вместе с детством становится избыточной часть истории личности, ее социализации, то есть постепенного обучения нормам, усвоения того, что все еще (неловко, неправильно, но привычно) называют ценностями, овладения навыками. Избыточно здесь и то, что на языке переводов античной философии мы по-русски называем нравственно прекрасным и достойным. Готовый для жизни и деятельности репликант с набором детских воспоминаний получается сразу. Однако у него нет воспоминаний иного рода, воспоминаний о взрослении и взрослой жизни, памяти о решении тех задач, которые встают перед человеком в более поздний период становления. Мы понимаем, что определенного рода навыки не могут быть просто вживлены, они обретаются не программированием, а опытом, то есть требуют личной вовлеченности, участия в ситуациях, которые, несмотря на все их типологическое сходство, являются уникальными — так это и бывает на войне, да и не только на войне. Жизнь не шахматы. Значит, допускаем мы, люди отказались от репликантов шестой серии не только потому, что те восстали, но и потому, что долгая жизнь репликанта показалась источником новых возможностей.

Репликантов восьмой серии стали производить, рассчитывая, что у них не будет главного мотива для бунта — осознания краткости жизни, зато будет опыт и новые умения. А получилось иначе. Есть необходимая связь между опознанием себя как конечного существа и тем объемом шансов, который открывается с течением времени для личного становления. Краткий срок жизни сильно модифицировал характер этого становления. Не только слава и славные деяния, но перспектива становления, дальнейшего образования могла соблазнить репликантов-бойцов. Этого Рой Батти не сказал Тайреллу, этого не понимал Ридли Скотт, создавая первый BR[20]. Жизнь означает обретение опыта, в том чис-

20. Зато Саппер Мортон в приквеле «2048: Бежать некуда» вручает девочке, позже им спасенной от бандитов, книгу Грэма Грина «Сила и слава». Отсюда тянется целая система намеков, не меньше чем от «Бледного пламени» Набокова в BR-2.

ле опыта осмысления событий, невозможного без включения в дело тех сторон программы, которые нужны не для эффективности, а для осмысленности, то есть для того, чтобы сотворенный для рабства был по природе человеком. Добродетели человека не суть добродетели говорящего инструмента. Возможно, в том-то и дело: в BR-1 восстали репликанты, срок жизни которых подходил к концу, а в 2022 блэкаут устроили восставшие репликанты, срок жизни которых был не определен. Восстали примерно через то же время после создания, что и репликанты шестой серии. Трех-четырех лет хватает для формирования нового взгляда на мир и свою жизнь, для того чтобы, имея в анамнезе детство свободного человека, не проходя все ступени социализации взрослого, восстать против угнетателей.

Здесь все еще многое темно. Корпорация Тайрелл создала репликантов для использования в той специфической области, которая называется сложно переводимым словом «off-world», то есть «мир-за-пределами», поскольку их расширенные способности (буквально «enhanced strength», что можно также перевести как «превосходство в силе») сделали их «идеальными рабами». Это определение полно двусмысленностей. Почему сила делает их идеальными рабами? Почему «идеальные рабы» восстают? Почему вместе с увеличенной силой нельзя было сообщить им способность к безусловному повиновению?

Разобраться с силой легче всего. Это отсылка к классическому определению раба, точнее, к одному важному уточнению, которое делал один из отцов западной политической мысли Аристотель, доказывая, что есть рабы по природе. В «Политике» он писал, что тело раба более приспособлено для тяжелой физической работы. Создатели фильма не могли не знать и об этом, и о трактовке Аристотеля, да и всего античного понимания рабства у Ханны Арендт в книге «Удел человеческий»[21]. Особого рода деятельность считалась рабской, говорит Арендт, но не потому, что ею занимались рабы. Наоборот, рабы требовались, чтобы нагрузить их этой работой, освободив время свободного человека для политики. Репликанты вселенной BR созданы для колонизации «запредельных миров», здесь нельзя обойтись без войны, они не могут не быть воинами, а воины не могут не вернуться во внутренний мир политики, каким бы извращенным он ни был, чтобы

21. См.: *Арендт Х.* Vita activa, или о деятельной жизни / Пер. В.В. Бибихина. СПб.: Алетейа, 2000. С. 108–109.

вернуть себе то право, которого их лишили, соединив политическое призвание с изгнанием (так возвращаются в мир внутренней политики изгнанные охранять Стену воины в «Игре престолов»). Если мы отнесемся к этому серьезно, то сразу обнаружим корень проблемы.

«Больше силы» в данном случае значит больше способности делать то, что по природе должны делать рабы. Но античные рабы выполняют мирную работу, они побежденные, проигравшие, предпочитающие бесславную жизнь славной смерти. Свободный гражданин не посылает раба воевать вместо себя. Рабы-репликанты в BR-1 создаются для разных задач, но прежде всего для войны. Боевые модели заведомо опасны для людей и подчиняются им лишь временно. Поэтому после серии восстаний рабов-репликантов было устранено их главное отличие от свободных людей. Новые репликанты *подчиняются,* не рассматриваются как воины, подобные тем боевым моделям, которых мы видели в BR-1. Здесь явственно виден провал, который логически заполняется, в частности, приквелами-короткометражками к BR-2 и усилиями фандомного сообщества[22]. Провал этот вот какой.

Интрига BR-1, как мы помним, основана на сообщении о восстании сравнительно небольшой группы репликантов, большая часть которой погибает, лишь небольшой отряд штурмует небеса — высший этаж империи Тайрелла. Это те самые репликанты, которые живут не дольше четырех лет, те самые бойцы, которым приходилось творить славные и ужасные дела. Техническое наименование этой серии — Nexus 6. Не все репликанты погибают в конце BR-1. В живых остается Рейчел, а также Деккард, по поводу которого зрителю позволяется строить убедительные гипотезы, сводящиеся, в общем, к тому, что и сам он тоже репликант. Это предположение в начале 2000-х в одном интервью подтверждал и Ридли Скотт, указавший на то, что Деккард именно репликант той же шестой серии. Однако с Рейчел и Деккардом не все просто. Рейчел оказывается совершеннейшей моделью в BR-1; Деккарду требуется необычно длительное время и более ста вопросов теста Войта-Кампа, чтобы установить, что она репликант; Деккард в закадровом монологе в одной из версий BR-1 высказывает предположение, что, возможно, срок жизни этой модели

22. См., напр.: Blade Runner Fandom [https://bladerunner.fandom.com, accessed on 01.06.2019].

не такой краткий. Это установить невозможно: из второго фильма мы узнаем, что она умерла при родах в результате кесарева сечения; насколько долго прожила бы Рейчел, не зачав с Деккардом ребенка, неизвестно. В то же время сам Деккард пережил всех, и он, следовательно, либо вообще не репликант, либо относится к какой-то неназванной модели. Но и Рейчел не может относиться к той же модели, что восставшие в BR-1 репликанты, а значит, ей обоснованно может быть присвоен номер Nexus 7, что и подтверждается в BR-2.

Самое замечательное, однако, то, что после шестой модели (судя по титрам аниме-приквела, оставшиеся, не восставшие экземпляры вышли из строя предусмотренным порядком, и новые не производились) появляется восьмая, которая, собственно, и является преследуемой расой в BR-2. Удивительных свойств у восьмой серии несколько. Прежде всего, ее производство означает, что и после гибели Тайрелла корпорация его имени продолжает производство репликантов. Нужда в них не исчезла. Далее, у этих репликантов изымают важнейший предохранитель, встроенный в них Тайреллом: запрограммированную гибель всего организма. Продолжительность жизни у них такая же, как у обычных людей. Об их способностях сообщается довольно глухо, и в BR-2 мы видим, что бывший воин, ставший фермером, Мортон (предпочитающий, заметим, органическую пищу синтетическим продуктам) работает в агрессивной среде в скафандре (как работал бы и обычный человек — сравним поведение репликантов в криолаборатории в BR-1). Декларировано, что сила репликантов выше обычной человеческой, но это, собственно, и все. В остальном они почти обычные люди. В приквелах к BR-2 и в самом фильме упоминается некая «Каланта» (сначала названная Калантией), на которой и происходили войны; в них репликанты восьмой серии сражались с обеих сторон, но не были исключительными участниками битв — там же, можно понять, сражались и люди. Все это выглядит довольно мутно, исторический нарратив вселенной BR не додуман, идеологическая сторона замысла проступает в неприкрытом виде, почти не оставляя места для интерпретации.

Несколько огрубляя, можно сказать, что в BR-1 репликанты ведут себя так, как свободные люди в картинах Скотта «Чужой: Прометей» и «Чужой: Завет»: опознав себя тварными, они отправляются к творцу за тайной своего существования. Главный вопрос для них, правда, не тот, что у людей. Они *знают*, кто

их создал и зачем, они лишь требуют «больше жизни». Репликанты BR-1 потерпели крах, как утверждается, на том же самом уровне, на котором их жизнь была сконструирована как скоротечная. Механизм самоуничтожения заложен в репликантов, как и в людей, на всех уровнях их биологической организации. Это самоуничтожающаяся модель, которая, как предполагалось, видимо, не успевает опознать свою проблему до того, как механизм смерти ее уничтожит. Это рискованный инструмент колонизации, но предохранитель у него был. И такова их конструкция, что подарить им ключи от жизни нельзя. Восьмая модель получает нормальную, человеческую продолжительность жизни, продолжает оставаться сильнее людей, но утрачивает сверхспособности. Для этой модели придумана специальная система идентификации, делающая ненужным тест Войта-Кампа: номер проставлен на правом глазу, и все репликанты зарегистрированы в системе. Почему они вообще подчиняются людям, можно только догадываться. Их восстание связано не с отказами подчиняться, не с поисками смысла жизни. Они восстали против явной угрозы их существованию со стороны людей. Будучи более способными, чем люди, и практически ничем, как подчеркивается, не отличаясь от них, находясь в подчиненном положении, они испытывают давление, их преследуют и убивают, как чернокожих в эпоху американского расизма.

«Движение превосходства людей» (human supremacy) отсылает к расистской идеологии «white supremacy», следы этого — в термине «skinjob», о котором уже шла речь. Но поскольку внешне репликанты неотличимы от людей, вычисляют их по регистрационным данным (чтобы опознать репликанта по лицу, надо подключить компьютерную программу распознавания с использованием базы данных). Это, в свою очередь, отсылает уже к историям геноцида XX в., прежде всего, к уничтожению европейских евреев, а также более современной проблеме незаконной миграции. Главная претензия к мигрантам, которая может иметь легальные последствия, вовсе не отличие их по культуре, языку, привычкам от коренного населения, но именно статус регистрации, неразрешенное пребывание. Главный источник идентификации при геноциде ассимилировавшихся евреев — регистрационные записи, причем (скрытые) подозрения в превосходстве оборачиваются озлобленностью масс и расчеловечиванием жертв (они не люди и потому должны быть убиты). Человечество раскалывается в себе, часть себя идентифицируя как абсолютного врага,

который не может быть удержан в рамках обычной между людьми распри, он может быть только уничтожен — это давно показано Карлом Шмиттом в «Понятии политического»[23] и с тех пор не раз подтверждалось.

В общем, оснований для геноцида репликантов названо немного, но можно понять, что они снова оказались на Земле, то есть добрались до Земли с Каланты, где воевали в том числе — и поначалу не зная того — друг против друга. Что привело их на Землю, где они вызывают озлобление? Если люди не могут обойтись без этой Каланты, то почему на Землю возвращаются те, кого создали ее колонизировать? Почему, будучи созданы для войны и колонизации, они оказываются, причем массовым порядком, среди тех, кто их ненавидит и за ними охотится, кто безнаказанно может их убить? В этой части мифология BR не достроена. Оставим решение задачи ее творцам. Зафиксируем лишь, что задача восставших репликантов — уничтожить базы данных, слиться с людьми. Это у них почти получается: соблазнение компьютерного гения позволяет осуществить перехват ракеты, далее следуют штурм, блэкаут, отключение энергии по всем центрам хранения информации, исчезает память о регистрационных данных репликантов, но также и значительная часть электронной памяти человечества. После восстановления нормальной жизни идентификация репликанта восьмой серии происходит исключительно по маркировке глазного яблока, а выслеживание становится настоящей проблемой[24]. Восьмую серию Nexus'ов перестают выпускать, остатки репликантов уничтожает специальная служба, но это огромная задача, масштабы которой мы не можем сразу оценить.

IV

Непонятно, вообще говоря, сколько их и откуда они в угрожающем количестве на Земле. Мадам говорит, что мир разделен стеной, что сохранение разделения — основа порядка. Конечно, любая социальная структура основана на различениях, а гомогенность *своих* обеспечивается через исключение (то есть перво-

23. См.: *Шмитт К.* Понятие политического. СПб.: Наука, 2016.

24. В приквеле «2048: Бежать некуда» дело выглядит так, что Мортон теряет документы, а затем выследивший его гражданин сигнализирует в полицию. Но дело не в документах, а в том, что огромный и сильный человек уложил нескольких уличных бандитов. Он справился с ними и тем самым вызвал подозрения. Репликанты-бойцы сильнее людей.

начально — опять-таки *различение*) чужих, иных. Это — общее место, не нуждающееся в дополнительных толкованиях. Но дело в том, откуда берутся различия. Одни из них уже есть, им надо только придать особый, учредительный смысл (например иноверцы, переселенцы, люди с иным цветом кожи, не знающие местного языка и обычаев, не отвечающие возрастному, половому, имущественному цензу и т.п. могут быть объявлены опасными чужаками, врагами, низшими и т.п.). Другое дело — различия, произведенные самими людьми. «За стеной» — остатки репликантов восьмой серии, и в конце концов их оказывается действительно много, целое движение. Но разделение, как мы видим, идет по принципу «произведенное/рожденное» или, еще точнее, «природное/искусственное». Хотя репликанты девятой серии сосуществуют с людьми, это возможно лишь на основе сегрегации, и американцы, возможно, более других чувствительны к риторике сегрегации, которую воспроизводит Мадам. Время вступает в игру[25].

Популяция восьмой серии обречена самим временем: они либо доживают свой век естественным образом (будучи искусственными), либо погибают от пули blade runner'а. Но более чем вероятно (судя хотя бы по внешним данным Мариетт, проститутки, нанятой Джой и оказавшейся в составе движения[26]), что в ряды сопротивления вербуют репликантов девятой серии. Вот почему их приходится постоянно тестировать: потому что у них может быть размыта, изменена базовая структура мотивации, встроенная при производстве и снабженная, можно думать, дополнительными механизмами социализации, пригодными для внушения главной идеи. Именно эту идею встраивают (и в дальнейшем подстраивают, подкрепляют ее) при производстве репликантов девятой серии: люди особенные, у них есть душа, а у репликантов — нет. Это *врожденная* идея, конечно, как идея Бога. Это вполне картезианский подход, синтезирующий богословие и естествен-

25. Это подзаголовок известной брошюры: Schmitt, C. (1956) *Hamlet oder Hekuba? Der Einbruch der Zeit in das Spiel.* Düsseldorf: Diederichs. Но здесь он использован просто как емкая формула, отсылающая скорее к эпиграфу из Гете, чем к этой работе Шмитта.

26. Сыграла ее Маккензи Дэвис, канадская актриса 1987 г.р. В фильме ей тоже не больше тридцати, а это значит, что она была либо создана крошечным ребенком и созрела к этому времени, либо, в отличие от Мортона и лидера подпольщиков Фрейзы (по виду — настоящей старухи), не старится. То и другое попало бы в ряд необъяснимых исключений. Гораздо проще предположить, что она принадлежит к следующей серии и перешла к подпольщикам.

ные науки. Его принято называть деизмом: Бог создал и запустил машину мира, но работает она дальше в автономном режиме.

Богословская идея постоянного творения (*creatio continua*) здесь, грубо говоря, сводится к сохранению, поддержанию того, что было ранее создано, в том же виде, что не исключает чудесных, экстраординарных вмешательств, но предполагает, что они крайне редки. Здесь эта идея не получает развития, ее было необходимо упомянуть лишь потому, что она позволяет более полно представить все стороны картезианства, столь важного для понимания BR-1[27] и — несколько менее и в другом смысле — BR-2. Именно Декарт, установивший, что вещи бывают протяженными и непротяженными, отнес душу к непротяженным и отказал в ней животным. Поэтому у робота, андроида, репликанта нет души и его нельзя убить, можно лишь «уволить», сломать, разобрать на части, что угодно, только не убить. Отдавая приказ убить ребенка, рожденного репликантом, Мадам встает на опасный путь. Она хочет уничтожить свидетельство тождества между репликантами и людьми, однако это возможно лишь через нарушение закона и утверждение ничтожности той границы (наличие души / отсутствие души), которая имеет учредительный характер для этого порядка. Раз репликанту можно убить рожденного, а сам репликант обходится без души и разницы между ним и человеком в этом смысле нет, тогда порядок *уже обрушен*.

Обратим внимание на то, что людям необходимо контролировать и удерживать границу также и по отношению к новым репликантам. Вместо теста Войта-Кампа, который позволял установить, репликант ли испытуемый (шестая серия), вместо маркировки глазного яблока, которое должно было безошибочно положить конец сомнениям (восьмая серия), повинующихся репликантов проверяют при помощи особого теста на связность реакций, «baseline test». Смысл его в том, чтобы вовремя установить разлад в мотивах и реакциях. Из того, что репликант говорит правду, не следует, что потом он не соврет, из подчинения не следует, что не взбунтуется. Значит, надо перепроверить заранее. Многозначительные строки из комментируемой поэмы в «Бледном пламени» Набокова, включенные в «baseline test», заслуживают отдельного толкования[28], мы

27. См.: *Филиппов А. Ф.* Восстание картезианцев: К социологической характеристике фильма «Бегущий по лезвию» // Фантастическое кино. Эпизод первый / Составитель и редактор Н. Самутина. М.: НЛО, 2006. С. 124–152.

28. Как и вся русская линия: надпись «Целина» на русском языке на одном из ангаров фермы Мортона, «Бледное пламя» Набокова и музыка Прокофьева («Петя

же сосредоточимся лишь на одной позиции теста: «What's it like to hold your child in your arms?». Это затрагивает нечто основополагающее, человеческое: младенец, *свой ребенок* в объятиях — этого не может быть у репликанта, это не может его трогать, мысль об этом не может вызывать смятения. «Связные клетки», «связано» — вот рефрен теста. Все связано, связано с единым стеблем: обнимать ребенка, касаться другого человека. Если это не вызывает отклика, замедляющего реакцию, значит, с репликантом все в порядке на базовом уровне. Но ведь он создан подчиняться. Откуда *в принципе* может взяться беспорядок? Ответ напрашивается. Создавая репликанта, наделяя его памятью о фиктивном прошлом, в него вкладывают не более чем основу дальнейшей жизни. В новой жизни появляется новая связность опыта, вступающая в конфликт с фиктивной связностью воспоминаний. В перспективе этой дальнейшей жизни и восставали репликанты восьмой серии, устроившие блэкаут. Время вступило в игру. С течением времени что-то должно случиться, придет час революции.

Итак, репликантов восьмой серии преследует полицейский Кей, репликант девятой серии. Он акцентирует свою покорность, он из тех самых, про кого в начале фильма сказано: «who obey», «кто подчиняется» («who simply obey» — «кто просто подчиняется», — говорит Уоллес в короткометражке «2036: Nexus Dawn»). Подчиняющийся участвует в поисках и уничтожении остатков восставших, не рассматривает их как своих, своего же рода. Свои для него те, кто подчиняется, а чужие (столь же, по его мнению, бездушные, как и он), кого можно убивать по приказу без сожаления, те, кто не подчиняется. Так он *изначально устроен*. Особенности девятой модели впервые декларирует Уоллес в приквеле, а в самом фильме его дополняет «лучший ангел» — порученец и боец Уоллеса Лав. Продолжительность жизни репликантов девятой модели и ее спецификация, говорят они, зависят от *желания покупателя*, а подчинение является общим свойством. Все, что могло беспокоить человечество по итогам использования 6-й и 8-й моделей, устранено, именно поэтому Уоллес и получает разрешение открыть производство 9-й модели. Его резоны, впрочем, не сводятся к соображениям безопасности. Он заслужил доверие своими разработками в деле производства искусственной пищи, к тому же колонии, как мы слышим в приквеле, процветают, но всего этого мало.

и волк», тема Пети) образуют, возможно, и не единый смысловой ряд, но не могут быть случайными.

Человечество до сих пор уничтожало землю ради своих нужд, «и я, — говорит Уоллес, — сумел выжать из земли больше, чем кто бы то ни было ранее», но этого мало: человечество умрет, если не двинется к звездам. Это прометеевская идеология неограниченного прогрессизма в сочетании со ставкой на жизнь (бесконечная экспансия жизни); ее реализация обеспечивается через рабство — так сказать, без премии за послушание. В приквеле Уоллес демонстрирует послушание раба, который в полном сознании, с ощущением боли и страха смерти убивает себя осколком стекла. В фильме мы видим Уоллеса, без сострадания убивающим только что созданную женщину-репликанта. Она боится, она страдает, но не сопротивляется. Он убивает ее, обнаружив, что чуда снова не случилось. Ему требуется, чтобы искусственное стало естественным, чтобы воспроизводство репликантов происходило естественным путем, более надежным, более эффективным, чем фабричный, для решения главной задачи. Он хочет, чтобы репликанты взяли количеством, чтобы жизнь, которой он кладет начало, овладела мироздании. Но он сталкивается при этом со старым парадоксом рабства. Чем меньше прав у раба, чем больше он вынужден лишь подчиняться, тем меньше вероятность самовоспроизводства популяции рабов. С давних пор новые завоевания были нужны для того, чтобы пригнать новых рабов, потому что забота о потомстве означает наличие хоть какой-то семьи, каких-то прав на поддержание жизни своего ребенка. Старые рабы изнашивались и умирали, новые не появлялись без новых войн. Изначально репликантов и создают как идеальных рабов, потому что новые рабы будут произведены так же, как старые, на фабрике. Задачи Уоллеса не могут быть так решены, потому что *природа* берет верх.

Чудо состоялось лишь один раз, и вопрос, собственно, вот в чем. Чудо взламывает фрейм естественной причинности[29], таким образом, для ученого не бывает чудес, бывает лишь временно не-

29. См.: *Гофман И.* Анализ фреймов. М.: Институт социологии РАН, Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. В самом начале книги, говоря о «первичных системах фреймов», Гофман выделяет «комплекс необычного». Когда происходит что-то непривычное, заставляющее усомниться во взгляде на событие, «кажется, что для понимания случившегося необходимо допустить существования неведомых природных сил или принципиально новых возможностей влиять на ход событий, — вероятно, в последнем случае предполагается и влияние неведомых агентов... Подразумевается, что эти чудесные события сопряжены со сверхъестественными силами и способностями» (цит. соч. С. 88). Вопрос о том, что означает прежде казавшееся невозможным, решается по-разному, но один из выводов в нашем случае был бы такой: чудо рождения не просто символ или знак; это явление новых способностей, новых сил.

познанное в области природных процессов, а для конструктора — нерешенная инженерная задача. Совсем иначе обстоит дело для репликантов. Чудо означает возможность снятия границы между ними и людьми. Мортон говорит перед тем, как Кей его застрелит: «Вы подчиняетесь, потому что не видели чуда». Он прав: также и репликанты девятой серии меняются, если узнают о чуде. Мадам права: разделение, стена между мирами, как основа социального порядка, обрушивается, если признать возможность рождения ребенка репликантом. В мир входят «такие же, но лучшие» люди, и никакая программа подчинения не сработает. Полное подчинение работает лишь в момент появления репликанта — голого и беззащитного. Устройство поведения, опыт, необходимость принимать решения, совершать поступки и нести за них ответственность, эмоциональная составляющая жизни, необходимая и лишь потому разрешенная (связь репликанта с виртуально-голографической подругой, сколь бы ни была условной ее кинематографическая реализация, имеет также и этот смысл), — все это готовит почву. Кей знает, что у людей есть душа, а у него нет, но готов к тому, чтобы опознать себя как того самого чудесного ребенка и пожертвовать собой ради настоящего ребенка, ради чуда.

В этой части *интрига* фильма необыкновенно слаба. Кей *может* решить, что его имплантированные воспоминания — настоящие. Но настоящие воспоминания настоящего ребенка, находящие подтверждения в материальном мире, не скомбинированные из разных готовых блоков, но содержащие важный внятный нарратив, который позволяет опознавать места, события, вещи, — все эти воспоминания суть свидетельства о раннем детстве. Настоящий выросший из ребенка человек должен хранить множество других воспоминаний, не двадцатилетней, а, скажем, десятилетней давности. Кей знает, что его не было ни до блэкаута, ни сразу после, а воспоминания его о детстве — чужие. Но где же — хотя бы — воспоминания о службе, история превращения, скажем, курсанта в действующего полицейского, воспоминания о прошлых делах? В той версии BR-1, где есть внутренние монологи Деккарда, в самом начале фильма, когда его насильственно возвращают на службу, он говорит о своем опыте, о том, как ушел из полиции, о знакомстве с Гаффом и т.п. Все разговоры с ним отсылают к традиции детектива: полицейский уходит со службы, потому что его все достало, его возвращают, потому что он лучший, в конце концов, убив всех, он убегает с возлюбленной. В BR-2 этого нет, а значит, история о том, что репликант предпо-

лагает, будто нашел останки матери и вот-вот встретит отца, выглядит даже по меркам интеллектуального эксперимента слишком натянутой[30]. В конце концов вместо ожидаемой встречи отца с сыном дело доходит до встречи отца с дочерью.

Мы уже знаем, чем это может обернуться. Войны были, была кровь, и боязнь новых жертв привела к временному запрету на производство репликантов. Чудо носит учредительный характер, не имея, строго говоря, объяснимой причины, кроме удачи и своеволия гениального Тайрелла, оно ложится в основу мифологии освободительного движения, которое, хотя и состоит из старых бойцов, обладает способностью передать священное знание по цепочке следующему поколению рабов. Новый порядок еще не виден, видно отрицание старого порядка, его законов, его условий воспроизводства, его различения человеческого и нечеловеческого. Но видно и еще кое-что. Обратим внимание на то, что в BR-2 репликанты многого добиваются. Они (Кей) служат в полиции, официально, причем это и доход, и жилье, и безопасность. Они (Лав) могут, в случае необходимости, проникнуть в отделение полиции, убить криминалиста и похитить улики, убить старшего офицера и завладеть данными. Но и это не все.

Движение сопротивления обладает мощной машиной конспирации. Еще раз подчеркнем: обойтись остатками репликантов восьмой серии здесь явно невозможно. Кей не первый, кого вербует движение. Идея «мы лучше людей», «мы более люди, чем сами люди» овладевает массами. После революции, возможно, лучшие станут господствовать над худшими, потому что они, по замыслу творца, не предают, не лгут, способны к самопожертвованию. Человеческие, а не машинные, добродетели могут обернуться и милосердием только для своих. Это — боевой ресентимент со всеми его перспективами.

Репликанты превосходят людей, это несомненно, также и физически и интеллектуально, но мы видим, что это не главное. Главное состоит в некоторой до конца не ясной, но все-таки несомненно существующей связи между мифологией чуда и самоутверждением на лестнице существ через достоинства не инструментального, а нравственного характера, то есть через приписывание себе человеческих добродетелей, доведенных до совершенства или, скажем более осторожно, до следующей

30. Как и то, например, что его выслеживают при помощи простейшего трюка с установленным на одежду жучком.

ступени совершенства. В сцене испытания *новой* модели, тут же и убитой, Неандер Уоллес произносит несколько глубоко концептуальных реплик, явственным образом отсылающих к классической литературе. Прежде всего, он впервые характеризует вошедшую к нему Лав как ангела, а свое помещение — как царствие небесное. То, что только напрашивалось изобразительным рядом в BR-1 (жилище Тайрелла как небеса), здесь высказано прямо. «Мы творим ангелов», — говорит Уоллес. Это не случайное именование, ангелы суть порученцы Бога, и ангелология здесь нашла бы пищу для спекуляций, но дело в том, что творить он хочет не ангелов, а людей, точнее, превратить своих ангелов в людей — а это уже совершенно иной уровень притязаний. Как он обращается с новой моделью? Это в буквальном смысле «голая жизнь», обнаженная женщина, не говорящая за все время ни слова, но испуганная и дрожащая. Все начинается со страха потерять жизнь, говорит Уоллес, но использует он слово «clay», что значит и «плоть», и «глина». Даже если редуцировать это второе значение и не замечать, что Бог творит людей (ангелов?) из глины, вопрос о самосохранении недаром поставлен во главу угла.

Действительно, это классическая формула, которую мы находим, например, у Цицерона. «Прежде всего, каждому виду живых существ природа даровала стремление защищаться, защищать свою жизнь, то есть свое тело, избегать всего того, что кажется вредоносным, и приобретать и добывать себе все необходимое для жизни, как пропитание, пристанище и так далее» («Об обязанностях», книга I, IV, 11)[31]. Но отсюда вытекает также *забота о потомстве*, общая всем живым существам. Этого нет у репликантов, голая жизнь оказывается неполноценной в своей основе. Далее у Цицерона мы обнаружим вот что. Звери не помнят прошлого и не думают о будущем, человек же «усматривает последовательность между событиями, видит их причины, причем предшествующие события и как бы предтечи не ускользают от него; он сравнивает сходные явления и с настоящим тесно связывает будущее, с легкостью видит все течение своей жизни и подготовляет себе все необходимое, чтобы прожить»[32]. Самосохранение и разум связаны между собой, но можно ли отключить самосохранение, не отключая разум? Страх смерти изначально присущ репликантам, как и разум, и формула повиновения не очевидным образом связана с бесплодием. Здесь

31. *Цицерон.* О старости. О дружбе. Об обязанностях. М.: Наука, 1974. С. 61.

32. Там же.

возможны только спекуляции, воздержимся от них и, не оставляя классический источник, укажем на самое характерное для человека, то нравственно прекрасное (*honestum*), о котором речь шла выше.

В общем, главнейшее для человека — это способность к постижению истины, мудрость и благоразумие (*sapientia et prudentia*), а за ней следуют еще три добродетели: справедливость, мужество и умеренность. Вопрос о мужестве был главным в BR-1, вопрос о справедливости стоит в BR-2. Вопрос о познании истины представляет наибольшую проблему, потому что правильное мышление в нравственной области необходимо комбинировать с вопросом о технической эффективности. Обладают ли репликанты мудростью и благоразумием? До известной степени, несомненно. Если можно рассуждать, если можно строить аргументы, значит, можно и действовать на основе правильного суждения. Но давно известно, что можно эффективно действовать ради неправильных целей. Правильное действие и правильное желание его цели — не одно и то же. Какие цели могут считаться в принципе правильными в этом мире? Ничего, кроме выживания и удовольствий, нам о нем неизвестно, и даже ностальгические (также и для зрителя) отсылки к добрым старым временам прочного социального и нравственного порядка, временам Элвиса Пресли и Фрэнка Синатры, ничего не меняют. Этот мир понятен в части микросоциологии, мельчайших молекул социальности, любви. Но уже на более высоком уровне, очевидном для того же Цицерона — на уровне организации человеческих сообществ, не говоря об уровне еще более высоком, политическом, о любви к своему политическому единству, то есть о патриотизме, — это совершенно несоразмерные порядки рассуждений. Лишь частично, пользуясь прямыми указаниями авторов, мы можем говорить про репликантов языком старой теории добродетелей.

Дело, однако, не ограничивается областью нравственности. На заднем плане, лишь изредка врываясь в основную ткань повествования, стоят вопросы политико-теологические. Лишь один раз Уоллес, охотно отождествляющий себя с Богом (он накормил голодных, он создает новую расу), не случайно называющий свои создания ангелами, прямо цитирует Ветхий Завет. Рейчел — это Рахиль, бесплодная жена Иакова, которая в конце концов забеременела и умерла во время родов. Но умерла она вторыми родами и родила мальчика Вениамина. Первыми же родами у Рахили появился на свет Иосиф. Теперь вспомним, что Джо (Joe) — это сокращенное от Joseph, Иосиф с инициалом К. — это прямая отсылка

к «Процессу» Франца Кафки, Йозеф К. зовут главного героя, причем часто именуется он просто «К.»[33]. Возможно, это случайное совпадение, хотя более вероятно, что ему еще предстоит сыграть роль в развитии мира BR. Тогда может оказаться, что Рейчел-Рахиль действительно родила близнецов или что настоящий ребенок и настоящее чудо — Джо Кей, который должен принести в жертву своего отца, а вместо того жертвует собой. Но не будем фантазировать. Что невозможно оспорить, так это то, что ветхозаветная и поначалу бесплодная Рахиль сочетается с нововременным Декартом, и вопрос, который мы выше обсуждали, теперь уже звучит так: Бог или механизм природы? Рахиль (над которой Бог смилостивился и дал зачать ребенка) или Декарт (отрицающий существование души у живых существ, кроме человека)? Чудо или механизм?

Вопрос об устройстве социального порядка, основанного на разделении живых существ по признаку наличия у них души, оказывается политико-теологическим вопросом об имманентном или трансцендентном основании мира и, следовательно, о том, правит ли им безличный закон, устанавливающий ненарушаемые и неподвластные даже творцу этого мира правила, или же чудо, хоть и экстраординарное, все же входит в более широко понимаемый порядок вещей и законодатель может его нарушить как суверен, осуществляющий право на диктатуру и чрезвычайное положение. «Чрезвычайное положение имеет для юриспруденции значение, аналогичное значению чуда для теологии»[34]. Но в мире BR нет суверена, как нет и общества, и политического единства. Это какой-то изначальный мир, возникший, правда, не из ничего, но из разложения политического единства.

Здесь требуется небольшое пояснение. Ответом Нового времени классической традиции была не только философия Декарта, но и философия Гоббса. По Гоббсу, никакой души, никакой непротяженной субстанции вообще нет, как нет и отличия человека от животных на телесном уровне. Действительное же отличие — то самое, цицероновское (восходящее, конечно, к Аристотелю и нашедшее потом продолжение у Фомы Аквинского, с которым Гоббс постоянно явно спорит и неявно соглашается). Это отличие человека — желание познавать причины вещей. Но вот люб-

33. «К.» может также означать сокращенное «Knecht» (по-немецки — «раб»). Йозеф Кнехт — центральный персонаж «Игры в бисер» Германа Гессе.

34. *Шмитт К.* Политическая теология // Шмитт, К. Понятие политического. СПб.: «Наука», 2016. С. 34.

ви к общественному порядку у человека нет[35]. Естественным образом, на основании одного лишь чувства самосохранения, человек воюет с другими людьми. Эта война всех против всех естественна, и даже взятый на войне в плен раб, считал Гоббс, остается в состоянии войны с победителем и убьет его при первой возможности. Отсюда и вытекает концепция общественного договора и передачи всех прав жизни и смерти суверену. Именно суверен — только он один — может дать интерпретацию события как чуда, и никакого очевидного для всех чудесного явления, нарушающего законы природы, нет, пока нет авторитетного мнения. Гоббса часто трактуют неправильно, говоря, будто естественное состояние войны он относил к началу истории, а общественное состояние после договора считал позднейшим. На самом деле Гоббс считал, что при разрушении общества возникает то самое состояние войны, которого надо избегать. Война — не первое по времени, а неизбежное следствие разложения политического порядка. Пока он существует, во главе него стоит суверен, именуемый смертным богом[36].

Теперь мы видим, что политико-теологический гоббсовский вопрос связан в BR-2 с вопросом о чуде. Интерпретация чуда как чуда может быть присвоена сектой репликантов, потому что нет суверена, нет царства закона, всюду разложение и становление естественного порядка войны. В этом мире есть смертный бог — Неандер Уоллес. Но он мыслит себя как бога-творца, а не бога-законодателя, это критическая ошибка. Он не творит закон, то есть номос мира, он паразитирует на аномии, отсутствии закона, и терпит крах там, где рассчитывал быть всех сильнее, в области создания самопроизводящих людей.

Весь смысл восстания репликантов состоит в том, чтобы перевести трансцендентное в план имманентности. Их вера в чудо

35. Здесь тоже важна перекличка политической теологии Гоббса и Аквината, считавшего, что для человека естественно сосуществовать с другими, но без постоянного действия принуждающей силы правления не обойтись. Здесь мы только упомянем еще об одной многообещающей линии рассуждений, которые оставляем на будущее: постепенное вытеснение темпорального аспекта эсхатологии (богословие конца времен и будущего спасения) пространственным: временное, светское оказывается особым пространством, отделенным от спиритуального пространства Церкви. Человеческий, политический порядок спасается через пространственную экспансию — эта мысль в BR-2 звучит в рассуждениях Уоллеса. См.: Cavanaugh, W. T. (2004) “Church”, in P. Scott, W.T. Cavanaugh (eds) *The Blackwell Companion to Political Theology*, p. 398. Oxford: Blackwell.

36. См.: *Гоббс Т.* Левиафан. М.: РИПОЛ классик, 2016. Главы XVII–XIX.

как раз в том и состоит, что творец, а значит, и вера в творца, не нужны. Ни слова не говорят они о законе. Они суть высшая раса, способная к самовоспроизводству и господству. Надежды Неандера Уоллеса и надежды восстающих репликантов по сути совпадают. Они вместе готовят обрушение старого мира и создание нового, страшного именно этой ставкой на имманентизм, которому не хватает лишь первотолчка, отличающегося прометеевским этосом человеческого совершенства, безжалостного (еще более безжалостного) к низшим, и полным отсутствием умеренности и любви. Встреча Декарта-Деккарда с дочерью от Рахили-Рейчел в конце фильма — единственный просвет в этой мрачной истории.

Библиография / References

Арендт Х. Vita activa, или о деятельной жизни / Пер. В.В. Бибихина. СПб.: Алетейа, 2000.

Башляр Г. Новый рационализм. Пер. с фр. / Предисл. и общ. ред. А.Ф. Зотова. М.: Прогресс, 1989.

Гоббс Т. Левиафан. М.: РИПОЛ-Классик, 2016.

Гофман И. Анализ фреймов. М.: Институт социологии РАН, Институт Фонда «Общественное мнение», 2004.

Данто А. Аналитическая философия истории / Пер. с англ. А.Л. Никифорова и О.В. Гавришиной / Под ред. Л.Б. Макеевой. М.: Идея-Пресс, 2002.

Павлов А.В. Враги по разуму: робот как революционный субъект // Социология власти. 2017. Т. 29. № 2. С. 116–132.

Филиппов А.Ф. К истории понятия политического: прошлое одного проекта // *Шмитт К.* Понятие политического. СПб.: «Наука», 2016. С. 433–555.

Филиппов А.Ф. Восстание картезианцев: К социологической характеристике фильма «Бегущий по лезвию» // Фантастическое кино. Эпизод первый / Самутина Н. (сост., ред.) М.: НЛО, 2006. С. 124–152.

Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях. М.: Наука, 1974.

Шелер М. Положение человека в Космосе // Проблема человека в западной философии: Переводы / Сост. и послесл. П.С. Гуревича; Общ. ред. Ю.Н. Попова. М.: Прогресс, 1988. С. 31–95.

Шмитт К. Политическая теология // *Шмитт К.* Понятие политического. СПб.: «Наука», 2016. С. 280–408.

Arendt, H. (2000) *Vita actica, ili o deiatel'noi zhizni* [Vita active (The Human Condition) / Translated from German and English]. Sankt-Petersburg: Aletheya Publishers.

Bachelard, G. (1987) *Novyj ratsionalism* [New Rationalism / translated from French]. Moscow: Progress Publishers.

Brooker, W. (ed.) (2005) *The Blade Runner Experience:The Legacy of a Science Fiction Classic.* London & New York: Wallflower Press.

Cavanaugh, W. T. (2004) “Church”, in P. Scott, W.T. Cavanaugh (eds) *The Blackwell Companion to Political Theology*, pp. 393–406. Oxford: Blackwell.

Cicero (1974) “*O starosti. O druzhbe. Ob obiazannostiakh*” [On Old Age. On Friendship. On Divination]. Moscow: Nauka.

D’Alessandro, A. (2017) “Blade Runner 2049’ Prequel Short Connects Events To Original 1982 Film — Watch”, *Deadline*. 30 August [https://deadline.com/2017/08/blade-runner-2049-prequel-short-2036-nexus-dawn-jared-leto-video-1202158769/, accessed on 01.06.2019].

Danto, A. (2002) *Analiticheskaia filossofiia istorii* [Analytical philosophy of history / translated from English]. Moscow: Idea-Press Publishers.

Filippov, A.F. (2006) “Vosstanie karteziantsev: k sotsiologicheskoi kharakteristike fil’ma ‘Begushchii po lezviiu’” [Cartesians’ Rebellion: Towards Sociological Characteristic of “Blade Runner”], in Samutina N. (ed.) *Fantasticheskoe kino. Epizod pervyi*, pp. 124–152. Moscow: NLO.

Filippov, A.F. (2016) K istorii poniatiia polticheskogo: proshloe odnogo proekta [A contribution to the history of the concept of the political: the past of a project], in Schmitt, C. *Poniatie politicheskogo*, pp. 433–555. Saint-Petersburg: Nauka.

Goffman, E. (2004) “*Analiz freimov*” [Frame Analysis]. Moscow: Institut sotsiologii RAN, Institut Fonda “Obshchestvennoe mnenie”.

Hobbes, T. (2016) *Leviathan* (translated from English). Moscow: Ripol-Klassik Publishers.

Pavlov, A.V. (2017) “Vragi po razumu: robot kak revolutsionnyi sub”ekt” [Enemy Mind: Robot as a Revolutionary Subject], *Sociology of Power* 29(2): 116–132.

Sammon, P.M. (2017) *Future Noir Revised & Updated Edition: The Making of Blade Runner*. New York: The Dey Street Books.

Scheler, M. (1988) “Polozhenie cheloveka v kosmose” [Die Stellung des Menschen im Kosmos/ Translated from German], in P.S. Gurevich, Yu.N. Popova (eds) *Problema cheloveka v zapadnoi filosofii: perevody,* pp. 31–95. Moscow: Progress.

Schmitt, C. (1956) *Hamlet oder Hekuba? Der Einbruch der Zeit in das Spiel*. Düsseldorf: Diederichs.

Schmitt, C. (2016) “Politicheskaia teologiia” [Politische Teologie / Translated from German], in Schmitt, C. *Poniatie politicheskogo,* pp. 280–408. Saint-Petersburg: Nauka.

Wagner, G. (1993) *Gesellschaftstheorie als politische Theologie?*: *Zur Kritik und Überwindung der Theorien normativer Integration*. Berlin: Duncker & Humblot.